

с к а з а н и я о
Зора-рыбе

допотопные
хроники

Александр Коротич

Сказания о Гора-Рыбе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7317827

ISBN 9785447400088

Аннотация

«Сказания о Гора-Рыбе» – сборник мифов и легенд, связанных со знаменитым уральским озером Таватуй. Книга охватывает значительный исторический отрезок XVI – XVIII вв. И становление староверской общины, и непростые отношения племени унхов с заводскими первопоселенцами, и строительство Верх-Нейвинского завода – всё это происходит во владениях гигантской Рыбы, хранительницы озера.

Содержание

Сказания о Гора-Рыбе	5
Сказание о двух собаках	7
Сказание о населении Таватуя	8
Сказание о таватуйских углежогах	10
Сказание о Панкратии Таватуйском и рыбьих камнях	12
Сказание о кончине Кали-Оа	15
Сказание о сватовстве Уйрала	17
Сказание о Сийтэ	19
Сказание об Уйго – Рыбьем Сыне	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сказания о Гора-Рыбе

Допотопные хроники

Александр Владимирович Коротич

© Александр Владимирович Коротич, 2016

© Александр Коротич, иллюстрации, 2016

Редактор Марина Журинская

Редактор Инна Харитонова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказания о Гора-Рыбе Допотопные хроники уральского озера Таватуй с описанием заселения берегов, строительства Верх-Нейвинского завода и необыкновенных событий, в тех местах произошедших

Моей жене Ирине Коротич посвящается

Говорят, что сказания эти пошли от крохотного угорского племени, что звалось унхами. Унхи и говорили-то не так, как прочие угры, одевались и вовсе на отличку: поверх куртки с меховым воротом надевали они бусы из рыбьих костей. Так уж у них повелось: рыба – всему счастье. Из чешуи рыбьей они делали украшения всякие, да такие диковинные, что слава о них ходила по всему Горнозаводскому округу. Говорят, что мужчины унхов рубахи себе крупной чешуей обшивали, да так, что стрела их не брала, скользом по чешуе – и в чашу. Нам нынче не верится, что такая чешуя была большая да крепкая, так тут всё дело в том, какого размера рыба. У окунька или ерша чешуя, что заусенца мелкая, другое дело – большая рыба.

Так вот, унхи говорили, что в Таватуге, если умение есть (ну и если повезёт, конечно) можно поймать очень большую рыбу – иногда с человека размером, а то и с двух человек! Такую, само собой, на лесу с крючком не поймаешь – тут специальная снасть надобна. А как та снасть выглядела – никто, кроме унхов, не знал, а они свой секрет пуще золота прятали.

«Откуда ж такие рыбины-то?» – смеялся в усы заезжий горный инженер, что порой на калиновском берегу Таватуя объявлялся, чтобы под землёй руду поковырять. А унхам тот смех мимо, они, знай, своё гнут: есть большая рыба в озере. И рассказывали они такую сказку...

Будто бы когда-то давным-давно здесь, посреди Урала, никаких гор-лесов не было, а была вода – озеро огромное. И рыбы в том озере водилось видимо-невидимо. И мелкая рыбёшка плескалась, и большие рыбины. И каждой было еды в меру по размеру: мелочь подбирала со дна, что придётся, средняя – мелкую кушала, большая – среднюю. А людям, что рыбу промышляли, про то место было неведомо, видать, нарочно заколдовано оно было от людей.

Так много тыщ лет было, пока не случился год високосный. Еды на дне стало столько, что мелкая рыбёшка стала расти от сытой жизни да и расплодилось немереным количеством. А вслед за ней и средняя стала день ото дня пухнуть. Ела их большая рыба и вырастала больше прежнего. А ведь известное дело, чем больше ешь, тем больше хочется. Так год от года, поедая друг дружку, рыбы и росли. И в конце концов самые большие почти всех остальных-то и съели. Да вот беда ещё: гигантской рыбине вода едва нижние плавники закрывает, а брюхо по дну еле волочится. Толкались они, толкались да и застряли бок о бок. Так и окаменели с годами и в горы превратились. Слыхали, говорят люди: «горный хребет»? Это неспроста. Рыбы это якобы хребты каменными плавниками над Уралом торчат. Ветра занесли под чешую рыбью семена – и встал лес: где сосна строем, где берёза с осинкой вразноплес. Там, где тесно было, – речки получились, там, где посвободнее, – озёра. И забыло солнце, что была здесь когда-то вода великая.

Так бы и закончилась вся эта сказка, кабы не осталась самая мелкая из великих рыб плавать в небольшом озёрке. Еды ей там вовсе не осталось: чебак да окунь только на зубок

куснуть. А тело её огромное всё плыть требует. Вот и вышло, что она и горой не сделалась и рыбой настоящей быть перестала. В тягость ей одинокой такое бытие.

«Сожги меня, высуши рёбра мои в камень!» – умоляла она солнце.

Но солнце за тучу пряталось, мол, не моё это дело жизнь из тела забирать.

«Заморозь меня в лёд, ночь студёная!» – причитала она месяцу.

Да месяц лик свой отворачивал, словно не слышал её.

Так Рыба и сделалась ни сытой ни голодной, ни живою ни мёртвою, словно остров посреди озера. Да и то порой глянешь, как бы и нет того острова: то ли он в тумане растворился, то ли в глубину ушел.

Столько лет горестных Рыба провела в одиночестве, что преисполнилась всяких тайных знаний и мудрости. Понятны ей стали голоса птиц и зверей. Слышала она, как бежит вода внутри деревьев, как цветы распускаются и вянут. Научилась она чудеса ворожить да наперёд предвидеть, что случится завтра или год спустя.

Смирилась Рыба со всем, да вот только одиночество своё победить не могла. И длилась бы скорбь её до тех пор, пока мир наш в прах бы не рассыпался. Но не суждено было этому случиться, потому что однажды на берег озера пришёл человек.

Сказание о двух собаках

Человек, что первым добрался до тайного озера, был унх, а как его звали, мы не знаем. Охотником и рыбаком он был, как все унхи, а в помощниках у него были лук со стрелами, нож костяной да две собаки – Туа и Тава. Какую добычу человек ни подстрелит, птицу в небе или рыбу в реке, собаки наперегонки неслись её подбирать. Какая первой прибежит, той и похвалы боле другой достаётся. Но никогда собаки те не ссорились, вот ведь какое дело!

Гнался тот человек за большой рыбиной, что вниз по речушке от него убегала, как вдруг лес расступился и открылось перед ним большое озеро с островом неподалёку от берега. Удивился человек: сколько раз по округе проходил, а никакого озера не видел. Зашёл человек в воду по пояс, опустил лицо, а под ногами у него рыбы – видимо-невидимо! Лишь то беда, что рыба-то вся мелкая. Хоть и опытный стрелок он, а поди, попади в такую!

Решил тогда человек до острова доплыть, авось там рыба пожирнее. Так и вышло: настрелял он большой рыбы с серебряной спиной и золотыми плавниками. Каждой из собак по рыбине кинул, а сам принялся костёр устраивать, а то негоже человеку, как собаке, сырьё жевать. Набрал сухих травинок да палочек, постучал камнем о камень, подул на искорку – вот тебе и огонь. Для лесного охотника такая наука не хитрость.

Но тут странное дело случилось: не успел он повесить рыбину над костром, как земля у него под ногами шевельнулась, а по кустам окрестным словно ветер пробежал. Подумал человек, что почудилось ему это, как тут опять. Много тот человек страшного на веку повидал, но такое с ним впервые приключилось. Бросился он вон с острова, да не тут-то было: камни, словно чешуя под ногами, расшеперились, деревья ходуном ходят, будто живые.

С камня на камень, от дерева к дереву добрался он еле-еле до берега и в воду кинулся. Но, услышав лай собачий, спохватился тут, вспомнил о помощниках своих верных.

«Тава! Туа! – кричит он, а ладонями крик подгоняет: – Тава! Туа!»

И видит человек, как, вопреки всякому разумению, остров к нему другим боком поворотился и что это вовсе не остров никакой, а рыба огромная, с целую гору величиной. Человек в ужас впал от такого вида. Богам своим взмолился, решил, что это смерть его плавниками шевелит, и от страха глаза закрыл.

Да только не торопится смерть. Открыл человек глаза и удивился: Рыба рот свой огромный распахнула, а на губе у ней обе собаки стоят. Спокойно так стоят, словно не боятся вовсе. А потом повернулись хвостами и ушли внутрь к рыбе, словно в пещеру.

«Таватуа», – сказала Рыба и рот замкнула.

Тут же сразу вода успокоилась, ветер стих, деревья прямо стали. Будто и не было ничего такого – остров как остров. И понял тут человек, что чудо над ним сделалось, а всякий унх знает: чудеса так просто не бывают. Выбрался он на берег острова, стал на колени и сказал молитву Рыбе – за то, что не убила его насмерть. А ещё решил он поселиться в этом месте. Так и сделал: собрал себе дом из веток, словно гнездо большое. Листьев старых навалил, чтоб спать мягче было. И дал себе человек имя Кали-Оа, что на языке унхов значило Человек Рыбы.

А слово «таватуа», из двух собачьих имён сложенное, проплыло над водой вдоль сосновых берегов и осталось в этом месте навсегда. Язык человеческий это слово за века подправил, так и вышло: Таватуй. Такое первое слово сказала Гора-Рыба, от него и история Таватуа начинается.

Сказание о населении Таватуя

Три зимы Кали-Оа прожил на спине Гора-Рыбы.

За это время его волосы из чёрных стали белыми, а это людям обычно напоминает, что жизнь перевалила через хребет. Вечная же Рыба за это время ничуть не изменилась, вот разве что деревья на спине у неё повыше стали да кусты погуще.

Кали-Оа учил Рыбу человеческой речи. Рыба же сказывала ему, как звёзды по небу скитаются, как солнце и луна свою работу делают и как та работа жизнь даёт и забирает. Никаких хлопот Кали-Оа не знал, всегда еды у него было вдоволь. Когда дождь шёл, над домом его солнышко светило, да и в постели тепло было, когда мороз над озером трещал. Это Гора-Рыба о нём пеклась, потому что с его приходом одиночество её страшное закончилось. Плакала она с ним по озеру от одного берега до другого. А то и на глубину опустится, чтобы человек её мог на подводную жизнь полюбоваться.

Всё бы хорошо, да взмолился однажды Кали-Оа: верни, мол, мне собачек, помощниц моих, чтобы я мог с ними, как раньше, по берегам охотиться. Ничего ему Рыба на это не ответила. Думала три дня, а потом и говорит: верну, если ты сюда других людей приведёшь.

Удивился Кали-Оа: «Вот тебе я, а на что другие люди?»

«Я вечно живу, а ты недолго, – сказала Рыба. – Пусть много людей тут поселится, пусть дети их вырастут и рожают новых детей и никогда это не кончится. Долго, слишком долго одна я была и не хочу снова одной остаться».

Печально стало от этих слов человеку. Но куда деваться, собрался он в путь, а Рыбе сказал:

«Сердце моё говорит, что пожалеешь ты об этом четыре раза. А когда пожалеешь – вспомни мои слова».

И ушёл.

Ждала его Гора-Рыба месяц, ждала другой, и сделалось ей страшно от того, что может он не вернуться. Нырнула она на самое дно озера, чтобы от страха своего спрятаться, да где от него укроешься! Пролежала она так ещё месяц, лишь макушки сосен над водой качались, а когда вынырнула, то увидела на востоке два облака в форме собак. И поняла Рыба, что друг её возвращается. Не успело солнце за гору закатиться, как дюжины две человек к берегу подошли, а впереди всех Кали-Оа, кричит, в сторону острова рукой машет. Поплыла Рыба ему навстречу. Быстро поплыла, так что волна по всему Таватую покатила. Увидели люди, какое чудовище к ним мчится – и враспынную. Лишь один Кали-Оа стоять остался.

«Я выполнил своё обещание, – сказал он Рыбе. – Теперь ты выполни своё».

Открыла рыба рот, а оттуда обе собаки выскочили – живые и невредимые, словно и не уходили они в Рыбу на три года жить. Вот только шерсть у них стала совсем белая, точно как борода у хозяина. Повернулся Кали-Оа и ушёл в лес, собаки же за ним ушли. С тех пор больше не жил он на Рыбе, а выбрал себе место на берегу озера и поставил там дом из дерева – первый дом в этом месте. Остальные унхи поглядели на него да тоже домов себе понаделали. А называли ту деревню Кали-Оа-Ва, в честь человека, который привёл их в рыбное место. Это уж потом заводские поселенцы переименовали: Калиново у них получилось. Да невдомёк им было, что ягода калина тут вовсе не причём. Но про них отдельное слово будет.

Увидели унхи, что Гора-Рыба зла им не делает и стали молиться ей, всячески угождать. А она взамен научила их хорошо рыбу ловить да умело её использовать. Вот и ели унхи рыбу, и шили рыбьими иглами, и одевались в чешую. А из костяка орудия себе делали для охоты и работы, острые да крепкие. Так было долгое время, и ещё долго было бы, да только далеко за горами царь приказал на Урале заводы строить. И появились в тех краях люди пришлые, странные, чудно одетые. Унхи звали их тарым, что значит «другие». Добра от чужа-

ков не ждали, но и на беду не рассчитывали. Только вот зря: с бедой-то, с ней всегда так: не ждёшь, а она вон уж на пороге.

Сказание о таватуйских углежогах

Пока унхи рыбу ловили, шли на Урал обозы с каторжанами, ехали кареты с чиновниками из столицы да с немцами-инженерами, шли по дорогам поднятые с земли крестьяне дальних деревень. К ним прибывались охотники да старатели золотые. Разный был народ, и сословий разных, и языков. Будто бы Вавилон на Урале шли строить, чтобы мир удивить. А построили-то на реках плотины деревянные да кричные печки над ними. Закрутились колёса, задымились печки, потекло железо рекой в царскую казну. А царь кричит: «Ещё! Ещё!» Всё ему мало. И встали над плотинами каменные цехи с аглицкими машинами, улицы между домами пролегли, и назвались заводские города именами башкирскими да татарскими: Билимбай, Кушва, Тагил, Невьянск...

А люди все, что сюда пришли, тут и умерли, немногие от старости: кто кровью чахоточной захлебнулся, кто в чаду заводском угорел, кто на пьяный нож напоролся, кто просто изработался. Да и высшее сословие от судьбы не убереглось: невянского управляющего Казакова камнями бунтари забили за то, что хлебом их гнилым накормил, а немца Карла Карловича Штоффе за то, что немец.

А тот, кто на Урал промышлять явился, от заводов подальше держался. Само собой, им таватуйские берега приглянулись. Сюда шум да дым заводской не долетал, зверь-птица не пуганы, рыбы вдоволь – что б не жить? Вот так однажды вечером увидели унхи, как на другом берегу костры заморгали. Тарым.

Сперва промысловые люди дико селились, да нельзя оказалось: по государственным бумагам тавтуйские-то земли во владении невянского завода числились. Тогда семья Василия Михайловича Рукавишников и ещё три семьи явились с челобитной в заводскую контору, чтобы разрешили им построить дома при озере. Заводскому начальству для отказа причин нет, а выгоду для завода получить хочется. Отписали про это в Верхотурье. Там думали-думали и придумали: пускай, мол, тавтуйские поселенцы для железоделательных печей лес да уголь заготовливают. Работа опасная, вонючая, грязная, а уголь для завода, что руда, без него железо не вытопишь.

Куда деваться? Уголь так уголь. И стал тогда Василий Рукавишников первым таватуйским углежогом. Делали так: валили лес за горой, собирали большими кучами, каждую кучу землёй накрывали, а уж потом поджигали. Дерево под землёй скоро гореть не может, шает потихоньку – вот тогда-то правильный уголь и получается. А углежог по куче ходит, за огнём следит, где дырку проковыряет, чтобы тяга была, где землёй присыплет, чтобы пожара не было. Чем дольше горит, тем страшнее по куче скакать. Бывало, прогорит под ногой куча, осядет земля, а с нею и углежог в пекло уйдёт. Четыре века таватуйские уголь жгли, сколько их в том угле испеклось – кто считал?

Видели унхи, как на другом берегу стоят, упёршись в небо, дымные столбы, и дивились этому. Настоящему охотнику дым – первый враг. Его и видно издалека, да и зверь его за версту чует. Непонятно унхам.

Решили они спросить у Гора-Рыбы про дым этот. Но ничего Рыба им не ответила. Тёмной ночью, тихо подплыла она к восточному берегу вплотную и услышала разговор двух людей, которые при лучине из сетей улов доставали. Речь их Рыбе показалась поначалу непонятной, совсем на говор унхов не похожей. Но не зря она столько веков тайные знания питала, чтобы человечьи слова и мысли не различить.

Говорит первый:

«Слышал, Егорка, что дикари на том берегу большой Рыбе молятся? Вроде как живёт она в этом озере. То островом притворится. То отмелью...»

Смеётся другой: «Ты, Антип, нашему Господу молись да кайся, как люди. А дикари, они на то и дикари, чтобы рыбам да зверям молиться, а не Отцу нашему всемогущему!»

Вдруг заметили они, как лучина вспыхнула вдесятеро против обыкновенного. Светло и жарко стало. Глянули рыбаки перед собой, а там где озеро было – остров стоит. Да не просто остров, а рыба огромная, лесом по хребту поросшая. Стоит, молчит и круглым золотым глазом на них пялится. Упали с перепугу рыбаки в воду, крестятся, силы небесные на помощь зовут. Только помощи-то и не надо – Гора-Рыба ничего плохого им не хочет.

А дальше и вовсе диво случилось. Открыла Рыба рот и спрашивает:

«Зачем вы, люди, дым в небо пускаете?»

«Как же без дыму? – заикается Антип. – Мы уголь прижигаем для Невьянского завода. А уголь без дыму не получается».

«А уголь заводу зачем?» – интересуется Рыба.

«Дык, матушка, без угля никак железо не выплавить».

«А железо куда нужно?» – не отстаёт Рыба.

«Железо-то оно всюду нужно. Им и крыши в Петербурхе стелют, и пушки из него делают».

«А пушки для чего?»

«Как же это для чего? Для войны. Чтобы врагов убивать!» – отвечает Антип.

А Егорка всё крестится да причитает:

«Свят-свят! Отпусти нас, чудище, к детям! Пожалей нас! Оставь живыми!»

Только тут ветер дунул – лучина погасла. А когда запалили снова, никакого острова и в помине не было. Вода тихая, а в сетях рыбы видимо-невидимо.

Еле дотащили Егорка с Антипом улов свой до избы, глянули друг на дружку, глаза круглые от страха, а волосы все белые, будто мукой посыпаны. Так и прозвали их с тех пор: Егорка Белый да Антип Седой.

А Гора-Рыба тем временем в деревне унхов объявилась и просит к себе вожака – Кали-Оа. Привели его и двух белых собак с ним. Совсем старые все трое стали.

«Помнишь, ты говорил мне, что я четырежды пожалею, что людей сюда призвала?» – спрашивает Рыба.

Морщит лоб старик, а вспомнить не может.

«Сегодня я впервые пожалела об этом. Может, ты уже и не помнишь, а я никогда не забуду».

Сказала она так и уплыла. А старик долго стоял на берегу, и у ног его лежали две белые собаки.

Сказание о Панкратии Таватуйском и рыбьих камнях

Однажды в ворота к Антипу Седому, тому самому, что от рыбы-острова живым спасся, постучали громко. Антип чужаков не боялся, но и незваным гостям рад не был.

«Кто таков?» – спрашивает Антип.

«Открывай! – говорят. – Урядник из Невьянского заводу спрос до тебя имеет!»

Как тут не открыть? Урядник – какая-никакая, а власть. Открыл Антип. Так и есть: урядник при мундире, а за спиной дюжина солдат со штыками.

«Чего надобно?» – вопрошает Антип строго.

«Тут, – говорит урядник, – могут государственные злодеи объявиться. Раскольники, что с Новогороду бежали».

«Что за раскольники такие?» – удивляется Антип.

«А те, что никонову реформу не приняли и двумя перстами на себя крест кладут. Баламутят они народ. Тех, кто не хочет новый устав признавать, теперь по всей России ловят, мучают да огнём жгут. Если увидишь чужаков, сразу дай знать, а уж мы с ними сами разберёмся. Может, и деньгами тебя за донос наградим».

Ушёл урядник, и солдаты его ушли.

А того же дня вечером опять стук.

«Кого это черти носят?» – ворчит Антип.

А на пороге мужик стоит бородатый.

«Ты чей будешь-то?» – спрашивает Антип.

«Фёдоров я, Панкратий Мелентьевич, – отвечает мужик, – а со мною десять семей голодных, долгой дорогой измученных. Пусти нас на двор переночевать, добрый человек».

Выглянул Антип за ворота, и правда – подводы с бабами да детьми малыми.

«А ты часом не старовер-раскольник? – спрашивает Антип. – А то тут урядник невянский уже солдат приводил».

Нахмурился Панкратий:

«Мы истинную веру православную в чистоте бережем и за то страдаем».

«Понятно, – кивнул Антип. – Я тебя не видел, и ты меня не знаешь».

И с такими словами ворота перед носом у Панкратия прихлопнул.

Лихо беженцам: в лесу волки воют, по дорогам дикие башкиры оброк собирают, урядник местный засады делает. Ни сил, ни провизии уж нету, чтобы дальше ехать. Что делать? Господу молиться осталось!

Пошёл Панкратий Фёдоров на берег Таватуй-озера, упал на колени и стал молиться истово, чтобы Господь помог да надоумил. Всё как по старой вере положено – с поклонами в землю лбом. Отбил Панкратий поклоны, поднял взор, а перед ним чудо-чудное – остров стоит. И не остров это, а рыбаина огромная. Тут бы любой испугался, да не тот человек Панкратий Фёдоров – стоит и ждёт, что дальше будет.

А Рыба его и спрашивает: чего, мол, тебе Панкратий, надобно? Рассказал Панкратий Рыбе, как десять семей по дорогам мыкаются, справа урядник злой, слева башкиры разгульные. Где бедным изгоям приют найти?

Подумала Рыба и молвит:

«Селись тут. Поставь скит подальше от берега, чтобы место было невидное, от глаз деревьями укрытое. Если опасность, какая придёт или обижать будут, я людей твоих сохраню. Возьми со спины моей два камня. Как лихо станет, стукни камнями, а я тебя услышу».

Сказала это Гора-Рыба и пропала.

Успокоилось сердце Панкратия. Начали наутро скитальцы землянки себе рыть на склоне под лесом. Ох, тяжёлое это дело – на Урале землю ковырять! Копнёшь раз, копнёшь другой – и в камень упрёшься. Только куда деваться? Помалёху выдолбили люди панкратьевы в земле норы да и стали там жить. Голодно, холодно, страшно. И беда долго ждать себя не заставила.

Истинная беда не с неба падает и не из-под земли вылезает, а из чёрного сердца человеческого происходит. Было у Антипа Седого четверо детей, старшего Петром звали. Хитрый был этот Пётр, во всём выгоды искал. Решил Пётр выслужиться и через это денег стяжать. Приехал в Невьянский завод – и напрямик к уряднику.

«Знаю, – говорит, – где таватуйские раскольники окопались. Коли денег дадите, приведу вас к ним».

Урядник ухмыляется: мол, сперва их в крепость возьму, а коли и вправду то раскольники, тогда и о деньгах поговорим.

На другое утро по лесу солдаты шеренгой пошли. Сто шагов им до землянок осталось, когда Панкратию доложили про облаву.

«Бежать надобно!» – говорят Иван Зелютин и Фёдор Кабаков.

Да с детьми-то малыми далеко не убежишь. Упал Панкратий на колени и крикнул своим: молитесь! Взмолились они. А сам камни рыбы из-за пазухи вынул, стучит ими да приговаривает:

«Помнишь ли ты, Гора-Рыба, обещание своё? Выручай! Беда к нам пришла!»

И только он эти слова сказал, как странное дело сделалось: земля раздвинулась, а на дне оврага того дыра – будто пещера просторная. Похватали скитники своих баб да детей и ушли в ту дыру. А как последний в неё влез, земля сомкнулась, будто и не было никого.

Обыскали солдаты весь лес – только белки да дятлы. Пётр глазам не верит, словно вот только тут люди были, и уже нет их. Злится урядник:

«Не денег тебе, соплjak, а плётков бы всыпать за донос липовый!»

Собрал солдат своих и ушёл. Сел Пётр на камень и закручинился. Вдруг видит: из земли люди выходят. «Ах, вот они где схоронились! – догадался Пётр. – Ну, ничего: запомню я это место!» Хотел он сперва урядника догнать, да только любопытно ему стало. Заглянул он в пещеру-то и обомлел: стены у ней и не каменные вовсе, а серебряными щитами выстелены, будто огромная чешуя рыба. А под ногами ступнями вниз плавники гигантские. Идёт Пётр, а сам думает, какую бы ему выгоду из такого открытия получить.

Вдруг слышит он голос ниоткуда:

«Звали тебя сюда, Пётр, антипов сын?»

«Не звали», – отвечает.

«А незванным гостям тут не рады, – говорит голос. – Уйдёшь сам без возврата или здесь останешься?»

Задумался Пётр: если уйду сейчас, то уж никакой выгоды не получится.

«Останусь!» – кричит.

«Так тому и быть», – сказал голос. И после слов этих вход в пещеру замкнулся.

С тех пор никто больше Петра не видел.

Искал Антип Седой сына своего повсюду, даже к дикарям в Калиново плавал. Только всё без толку. Говорили ему, будто видели давеча Петра в Невьянске у урядника. Ездил в Невьянск. Но урядник одно талдычит: мол, никакого Петра не знаю не ведаю! Пошёл Антип Седой тогда к скитникам, что на горе под лесом окопались. Увидел Панкратия, стал на колени перед ним и прощения у него просил за то, что на порог не пустил. Спрашивал он у Панкратия про сына, да только ничего Панкратий сказать ему не мог. Советовал молиться, может, Господь сжалятся и дорогу к сыну покажет.

«Как молиться-то? Научи меня, странник», – просит Антип.

«Я научу тебя молиться правильно, как наши деды молились. Только ты должен нам помочь. У тебя на дворе амбар есть большой. Разреши нам всем в том амбаре молиться, а то негоже в норе Господа славить».

Согласился на это Антип Седой. Панкратий вскоре в амбар крест общинный перенёс, о восьми сторонах крест, как по старой вере полагается. И книги ещё свои моленные. Книги-то старые были, руками писанные. С тех пор молились таватуйские по-старому. Двумя перстами крест клали, пели в один голос, поклоны исполняли, как положено, попов не признавали, а крестным ходом вокруг антипова амбара посолонь ходили. Постились строго, верили горячо.

Стал Таватуй староверским местом, а Панкратия Фёдорова стали почитать как праведника. И неспроста. Жизнь его была к людям повёрнута, много он добра сотворил, помогал многим да молодых к добру наставлял. Жил просто и бесхитростно. Вот только одна странность за ним водилась: везде носил Панкратий при себе пару камней заветных. Ничего особенного, камни как камни, таких тут полно по берегам-то валяется. Спрашивали про них, а он молчит, только улыбается в бороду да глаз щурит.

Сказание о кончине Кали-Оа

Есть у унхов такая пословица: «Сперва из человека жизнь уходит, а потом уж он умирает». Жил до старых лет Кали-Оа, жил столько, сколько унхи не живут, и жизни-то в нём вовсе не осталось. Давно уж собаки его Туа и Тава издохли, и удивительное дело – обе в один день. Забыл их хозяин, памяти не стало, язык не слушается, ноги не ходят, руки не держат. Стал старик обузой для племени – все от него отвернулись. Забыл народ о том, кто его на рыбное место привёл. Лишь внучка его любимая Сийтэ с дедом всё время. Кормит она его, умывает, волосы седые рыбьим хребтом расчёсывает. Молчит старик, только мокрыми глазами на неё моргает, а девушка говорит с ним, говорит, да ласково так, словно с ребёнком малым. Так они и жили от всего племени на отшибе.

А времена те для унхов тяжёлые были. Многие из них от башкирских сабель полегли, многих болезнь пятнистая съела. Последних лодок на похоронном холме стало больше, чем домов в деревне. «Последней лодкой» унхи открытый гроб называли, куда мертвеца нарядного клали. В землю зарывать, как у православных, у них принято не было. Лодку для Кали-Оа соседи уж давно приготовили в надежде, что скоро умрёт старик и дом свой освободит. Много раз Кали-Оа от смерти уходил, вот и теперь она не очень торопилась.

Пока лодка рядом с домом стояла, Сийтэ украсила её пёстрым узором по краю, в середине большую рыбу нарисовала, а в середине рыбы – человека, а в середине человека того – опять рыбу, только мелкую. Соседи ходили мимо и завидовали: не в одной семье такого похоронного наряда не было.

И случилось это в самой середине лета, когда над Таватуем круглая красная луна встала. Объявилась напротив деревни Гора-Рыба. Сама явилась, не звал её никто. Сказала рыба, что эта ночь последняя для старого унха будет.

«Только не ставьте лодку на холме, как у вас заведено», – просит Рыба.

«А что нам делать тогда?» – спрашивают унхи.

«Пустите лодку на воду. Я его сама хоронить буду».

Подивились унхи, но спорить не стали. Пускай, мол, хоронит, как знает – нашим легче. Только одна Сийтэ заплакала, узнав, что расстанется она с дедом своим навсегда. В последний раз накормила она его, напоила, вымыла да расчесала.

Как солнце за гору ушло, явились соседи, подняли старика, уложили его в лодку и потащили к берегу. Только коснулась лодка воды, так сразу поплыла она сама в сторону рыбы-острова. Любопытные унхи высыпали на берег поглазеть, что дальше будет. А тем временем розовый свет по всему небу разлился, да так нарядно, словно бы праздник какой. Небо чистое, лишь над островом два облака большие, точь-в-точь как две белые собаки стариковы. Гора-Рыба рот свой огромный открыла, а лодка Кали-Оа напрямик туда и заплыла.

«Зачем ты съесть нашего старика хочешь?» – закричали унхи.

Только видят они, что рыба рот не закрывает. Тем временем небо темнело, а внутри рыбы светло стало, будто кто в пещере факел запалил.

И видят унхи, как встал из лодки старик. Глядь, а он и не старик вовсе: седые волосы почернели, а грудь силой налилась. Дальше ещё чуднее: борода у Кали-Оа исчезла, а сам он будто бы ростом меньше стал. Не мужчину видят унхи, а мальчика. С мальчика одежда упала, которая велика ему сделалась, а он и не мальчик уже, а младенец беспомощный. Показалось унхам, что младенец тот будто внутри прозрачного пузыря над лодкой повис. Свернулся младенец клубком и стал с каждым мигом уменьшаться, пока совсем из виду не пропал. Как случилось это, Гора-Рыба рот свой закрыла, и темно стало. Только звёзды над озером моргают, да костры с того берегу в воде отражаются.

Ничего подобного прежде не видели унхи. Упали они на землю и стали рыбе забытые молитвы говорить. Только не услышала тех молитв Рыба, с той ночи отвернулась она от унхов. Зла им рыба не делала, но и не пеклась о них, как встарь, приплывать к калиновскому берега вовсе перестала. Вспомнила она слова Кали-Оа и поняла, что целый народ ей никогда одного-единственного человека не заменит. А у унхов с тех пор поверье: если увидел облако, на собаку похожее, загадывай жизнь долгую и будет у тебя жизнь до самой смерти.

Сказание о сватовстве Уйрала

С той ночи, когда Рыба старика Кали-Оа забрала, Сийтэ, внучка его, одна жила в печали. Девушка она была красивая, отбою в женихах не было. Только не смотрела она на женихов-то. Всё сидела на берегу, на Таватуй-озеро любовалась, песенки ему мурлыкала, говорила с ним, будто с человеком живым. Из-за этого считали её в деревне юродивой – баан по-унхски. Походили-походили женихи да отстали. Кому нужна жена такая?

Только один не желал сдаваться, его Уйралом звали. Каждый день приходил он к Сийтэ, помогал по дому, приносил затейливые подарки и лучшую рыбу. Каждый день говорил он девушке, что будет ждать всю жизнь, пока она не согласится в жёны к нему пойти. А Сийтэ только грустно улыбалась ему, правда, от подарков не отказывалась.

Сидели они как-то на берегу, и вдруг Сийтэ спрашивает парня:

«Скажи, правда ли ты готов ждать меня долго?»

«Правда», – отвечает Уйрал, и видно по нему, что правду говорит.

«Скажи ещё: правда ли, несмотря ни на что, будешь любить меня до самой смерти?» – спрашивает Сийтэ.

«Правда», – отвечает Уйрал.

«Даже если все над тобою смеяться будут за это?»

«Даже тогда».

«Даже если проклянёт тебя народ твой?».

«Даже тогда. Никого мне, кроме тебя, не надо», – говорит Уйрал, а сердце его рыбой в груди трепещет.

«Хорошо, – говорит Сийтэ. – Я буду твоей женой».

Обняла она его и поцеловала. А на следующее утро исчезла она из деревни. Куда и зачем – никому не ведомо.

Уйрал чуть ума не лишился, вчера счастье до неба, а сегодня горе до дна. Потом остыл немного, вспомнил вчерашний разговор и понял, что неспроста он был. Будто бы Сийтэ готовила его к испытанию. Стал тогда Уйрал ждать свою невесту.

Лето миновало, осень прошла и зима настала. Каждый день приходил он на берег и сидел подолгу, глядя, как по ледяному озеру снег ползает. Однажды заметил он, будто бы вдали точка живая движется. Пригляделся Уйрал: человек по озеру к калиновскому берегу шагает. Забилось сердце его от предчувствия. Побежал Уйрал навстречу, ноги в сугробах вязнут, снег в глаза, а ему хоть бы что. Не обмануло его сердце – это любимая Сийтэ возвращалась домой. Шла она по морозу в одной рубаше и босая на обе ноги. А косы у неё стали совсем белые, да только не от снега. Хотел он её схватить в объятья, но она его рукой остановила:

«Осторожно, – говорит, – побереги сокровище наше».

А лицо её светится счастьем – никогда Уйрал ещё такой красивой свою Сийтэ не видел. Пригляделся он и понял, о каком сокровище невеста его говорит: живот у неё надулся так, что как бы не родила она прямо в снежном поле.

Совсем у парня в голове всё помутилось. Взял он Сийтэ на руки осторожно и понёс её домой. Руки-ноги согрел ей, тёплой едой накормил, уложил в постель, а сам смотрит на неё с вопросом.

«Погоди, любимый мой, скоро ты всё узнаешь. Поверь, что с нами чудо произошло великое, и поверь ещё, что я верна тебе осталась, в целомудрии я женой твоей делаюсь».

Понял тогда Уйрал, что испытание его только начинается. Счастлив был он, потому что любимая его вернулась, да сомнения его изнутри изглодали. Тут ещё по деревне смех пошёл, мол, жених соломенный, а невеста седа да юродива – хороша парочка. Прежние дру-

зья от Уйрала отвернулись, соплеменники косо смотреть стали. Так пришла ему пора проверить крепость своих обещаний. Только одна Сийтэ его любит, гладит, целует да успокаивает, мол, скоро наш мальчик родится и всё изменится. Не прошло и недели, как срок подошёл. Вышел в мир малыш быстро, закричал громко, так что волки по округе испугались и в лес ушли.

Присосался малыш к груди материнской, а Сийтэ говорит мужу, чтобы шёл он на берег и молился Гора-Рыбе. Не успел Уйрал на колени встать, как лопнул с громом лёд посреди озера, а из-под воды Рыба-остров поднялась. Сама белая, а деревья, что на её спине росли, все льдом покрыты, словно самоцветы на солнце сверкают.

«Слушай меня Уйрал, сын Унка, – сказала Рыба. – Сын твой не простой ребёнок, он рождённый дважды, потому что жила половина его уже на этом свете когда-то много лет. Я возвращаю его в этот мир, а тебе наказываю: береги и люби жену свою и сына, хотя в нём и нет крови твоей. Это мой последний дар племени унхов. Если твой народ придёт к сыну твоему поклониться, возможно, его ждут впереди многие лета счастья и славы. А если народ отвергнет сына твоего, то дни унхов сочтены. Уйдут они, а память о них ветер развеет».

Развернулась Рыба и поплыла от берега, круша лёд. А там, где хвост её прошёл, лёд обратно соединялся и снег змеёю уползал.

Сказание о Сийтэ

Теперь про то, что с девушкой Сийтэ, внучкой Кали-Оа, прежде случилось.

Сильно тосковала она по деду своему. И похороны его странные у неё из головы не шли. Решила тогда она Гора-Рыбу разыскать да расспросить её про это. Только вот где её найти-то? К деревне унхов Рыба больше не ходила и на озере островом не являлась. Пошла девушка вдоль берега, но только без пользы всё. Коли Рыба сама не захочет, чтобы её увидели, вовек среди камней и кустов спину её не углядишь. А чтобы та себя показала, пела Сийтэ нежным голосом песню о двух собаках, которой дед её с малолетства научил. Услышали ту песню волки да подпевать начали. Испугалась девушка, бросилась по берегу, а волки её догоняют. Забежала Сийтэ на мыс каменистый, а волки её окружили, от берега отрезали. Осталась одна дорога – в воду. Да только вдруг мыс тот сам оторвался от земли и в озеро уплыл. Догадалась Сийтэ, что это Рыба её от волков увела.

Доплыла Рыба до восточного берега, туда, где никто не селился, и говорит:

«Ты меня искала, Сийтэ. Что ты хотела от меня?»

«Хотела я, чтобы ты мне всё про деда моего поведала и про похороны его чудные».

Тогда Рыба стала ей рассказывать про Кали-Оа, про встречу их, про собак, про то, как по её просьбе он людей на берег привёл, про завет его.

И ещё сказала:

«То, что ты похоронами называешь, похоронами-то не было. Хоронят мёртвых, а дед твой не мёртв вовсе. Правда, и не жив он».

«Как же это?» – удивляется Сийтэ.

«А так: я всю жизнь из тела его в крохотную песчинку собрала. Была бы я женщиной, то могла бы я из той пылинки нового человека родить с душою Кали-Оа. Только я не могу этого».

«Зато я могу!» – вскричала Сийтэ.

Задумалась Гора-Рыба, а потом и говорит:

«Ты можешь. Только готова ли ты к тому, что смеяться над тобой будут и презирать тебя? Готова ли ты к тому, что отвернётся от тебя племя? Готова ли ты всю красоту свою, силу свою и жизнь свою отдать чаду?»

«Я на всё готова», – отвечает Сийтэ.

«Ладно, – говорит Рыба, – Тогда иди в деревню и дела свои закончи. А как закончишь, приходи на то же место, где волки на тебя напали. И что бы ни случилось с тобой отныне – страшное или удивительное, не бойся. Но запомни: долго не вернёшься ты домой. Будешь под призором моим жить, пока семя не взойдёт и плод не созреет».

Ветер дунул – и переменилось всё. Оглянулась Сийтэ и видит, что не на Рыбе она сидит, а на берегу калиновском, рядом с домом. Лицо повернула, а из-за деревьев Уйрал к ней спешит с подарком. Нравился он девушке. Больше всех прочих женихов нравился, а как сказать ему об этом? Как сказать милому, что разлука их ждёт долгая? Как сказать, что испытания их ждут великие?

Но если любишь сильно, то сердце само верные слова говорит.

Назавтра явилась Сийтэ на то место, где волки на неё охотились. Запела она песню дедову, а волки тут как тут, словно ждали её. Только не страшно ей теперь. Вскочила она на мыс, думала, что увезёт её, как в тот раз, Рыба в озеро. Да не тут-то было. Провалилась у неё земля под ногами, и ушла девушка с головою под воду. В своё время дед её плавать научил, только эта наука ей без пользы. Всё глубже в озеро она опускается и понимает, что дыхание у неё кончилось. Открыла рот Сийтэ и вдохнула в себя воду. Думала, что сей-

час же захлебнётся, только ничего такого не случилось. Дышала она водой, словно воздухом, и стало ей от этого весело.

Пошла девушка по дну, туда, где сквозь мутную воду пятно тёмное виднелось. Подошла ближе и видит холм, а на холме сосны растут высокие да кусты густые, а промеж ними рыбы плавают. Поняла она, что это Гора-Рыба на дне лежит и её дожидается. Тут Рыба пасть свою открыла, а в пасти той словно в пещёре свет горит, тёплый да ласковый. Догадалась девушка, что Рыба её внутрь зайти приглашает. Сийтэ зашла в Рыбу и очень удивилась, что Рыба внутри выглядит в точности, как дом дедов. Вот и лежанка её, вот и табурет, и очаг на месте, а в очаге огонь горит, а над огнём еда ароматная готовится.

«Спасибо тебе!» – сказала девушка, потому что поняла, что Гора-Рыба о ней так позаботилась.

Поела она вкусно, легла на лежанку и забылась крепким сном. И приснился ей человек. Красивый он был и сильный, как медведь. Все враги его боялись, а волки, заслышав его приближение, разбегались в ужасе. На груди и на спине у того человека чешуя рыбья росла. И услышала Сийтэ во сне своём, как величают человека – Уйго, что на языке её племени означало Рождённый Дважды. И поняла она, что это сын её таким станет.

А пока спала она, всё внутри Гора-Рыбы переменялось. Исчезли и утварь, и очаг, и лежанка, и огонь погас. А в брюхо рыбы набилось – со всего Таватуй-озера. Самая большая из рыб подплыла к спящей и острым плавником живот ей разрежала, да так тихо, что девушка даже не проснулась. И откуда ни возмись, подплыла к ране песчинка маленькая серебристая, будто осколочек слюды или чешуйка мелкая. Блеснула чешуйка и в живот легла. Тогда рыбы плотно облепили тело девушки, так, что её видно не стало. Девятнадцать дней спала Сийтэ под рыбьим одеялом, а когда проснулась, то увидела, что вокруг всё по-прежнему: очаг мерцает, а над огнём еда дымится. Поела она и вдруг почувствовала, что сила в ней необычная появилась. Догадалась она, что пока спала, жизнь Кали-Оа поселилась у неё под сердцем. Взглянула она на живот и увидела на нём будто рисунок тонкий: рыба, у которой внутри человек, а внутри у него опять рыба.

«Пусти меня на волю», – просит Сийтэ.

Открыла Рыба пасть, а снаружи вовсе не дно озёрное, а лес от солнца да листьев золотой. Бегала по лесу Сийтэ, венки из красных рябиновых листьев себе плела, вдруг слышит: волки голос подали, навстречу ей спешат. Окружили её волки, а ближе подойти боятся, чуют странное. Схватила девушка одного волка за загривок и кинула его далеко в озеро. Легко кинула, словно щепку мелкую. Остальные же волки в страхе разбежались.

«Сила твоя от бремени исходит, – говорит ей Гора-Рыба. – Пока носишь ты его, ничего тебе не сделают ни мороз, ни болезнь, ни зверь лесной. Но как только выйдет сын из тебя, сила эта с ним и уйдёт. Не забывай об этом».

«Удивительно это, – говорит Сийтэ, – собственного деда второй раз на свет родить!»

Услышав эти слова, захохотала Рыба, да так, что горы уральские дрогнули, а по озеру волна пошла. До этого дня никогда Рыба не смеялась, да и после такого с ней не было.

«Почему ты смеёшься?» – удивилась Сийтэ.

«Смеюсь я над словами твоими, потому что никаким чудом нельзя одного человека второй раз родить заново. Это твой сын будет. И кровь в нём твоя будет. Только вот душа и сила у него будут от четверых».

За долгие месяцы, что Сийтэ с Рыбой провела, побывала она во многих местах. Рассказывала Рыба девушке премудрости всякие. На самом деле не для неё эти рассказы назначались, а для младенца, что в животе у ней копошился. Укрепляла Сийтэ тело по-всякому: ходила по огню и в прорубь ледяную ныряла. И ничего с ней не делалось, только сын её в утробе сильнее от того становился.

Наконец подошёл положенный срок. Отпустила Гора-Рыба её домой, а в напутствие сказала:

«Всё хорошо с твоим ребёнком будет. А вот за тебя я беспокоюсь. Если жених твой сомнение затаит, скажи ему, чтобы говорил он со мной. Я сама ему всё скажу».

Как сказала Рыба, так оно вышло. А что дальше было, про то отдельное сказание будет, про Уйго, сына Уйрала, которого в деревне Рыбьим Сыном прозвали.

Сказание об Уйго – Рыбьем Сыне

Удивительна была история помолвки Сийтэ и Уйрала, удивительна была история зачатия и беременности Сийтэ. Но ещё более удивительным был мальчик, что родился на полную луну в доме своего прадеда Кали-Оа. Бывает, что малыши по первости родителям толком поспать не дают, изводят их плачем, криками капризными. Поди-пойми, что такой крохе надо? Другое дело – Уйго. Он спокойно лежал в своей колыбели и улыбался. С благодарностью принимал и грудь материнскую, и отцову ласку.

Непросто было его родителям в то время: дурная слава о них шла по деревне унхов, мол, ребёнок не от отца своего зачат, а от Рыбы каменной. Хмурился на это Уйрал, но против ничего сказать не мог. Так уж устроены люди: то молятся чудесам, то проклинаят их. Матери Уйго тоже приходилось несладко; она расплачивалась за силу, что давал ей сын, пока в материнской утробе рождения дожидался. Как и предупреждала Гора-Рыба, сразу после родов ослабла она телом, одолели её болезни и немощи. А только глянет мать в колыбельку, увидит улыбку сынову, так сразу словно полегчает ей. А возьмёт малыша на руки отец, так сразу сердце его возрадуется. Лишь одно было странно Уйралу: на груди и спине малыша будто бы чешуйки рыбы росли.

Рос Уйго, как и все мальчишки, шалуном, разве что силой от них отличался. Не было ему равных ни в беге, ни в борьбе. Вот только силу ту он никогда во зло другим не использовал. Не обижал он никогда ни зверя, ни человека, ни букашку мелкую. Как к такой странности относиться – даже родители его не знали. Но более тревожило их другое: шло время, а Уйго молчал. Уж сверстники его говорили всю, а он с рождения так ни словом и не обмолвился. Все средства родители перепробовали: и папоротник к горлу привязывали, и жиром рыбьим тело натирали, и стрелу над головой у него в полночь ломали. Терпеливо сносил всё это мальчик, только улыбался, а говорить так и не говорил.

Тогда взяла его мать и пошла на берег озера, на дальний мыс, от глаз и от ушей любопытных подальше. Запела она песню, что дед её научил, в надежде, что придёт к ней Гора-Рыба и поможет сыну. Катит серые волны Таватуй-озеро до того берега, а Рыбы не видать. Кричала Сийтэ, умоляла и звала, но не пришла Рыба к ней на помощь. Видно, совсем она от унхов отворотилась.

В слезах вернулась домой Сийтэ, а ночью приснился ей сон. Во сне Рыба была, и говорила она так:

«Оставь надежду, Сийтэ. Никогда твой сын говорить не будет, потому что зачат он под водой, и немый он будет от веку, как немые те, кто под водой живут».

Заплакала во сне Сийтэ от горя. Но рыба говорит ей:

«Нет тут беды. Чтобы говорить с ним, рта открывать не надобно. Он мысли твои услышит и мыслями своими на них ответит».

Проснулась Сийтэ в слезах и видит: рядом Уйго стоит, смотрит на неё ласково и улыбается.

«Скажи мне хоть словечко, милый мой сыночек!» – умоляет она про себя.

И вдруг, будто кто-то слово рядом сказал:

«Таватуа».

Смотрит на сына Сийтэ и не верит себе.

«Ты ли это сказал, сыночек мой?» – спрашивает она мысленно.

«Да, это я сказал», – слышится ей, а рот у Уйго как был замкнут, таким и остался.

Засмеялась от радости Сийтэ. Разбудила мужа и научила его с Уйго разговаривать.

С тех пор всё у них в доме пошло по-другому. Да вот ведь что оказалось удивительно: маленький Уйго в любом деле большие знания стал проявлять. Порой мать с отцом учил, как

поступать правильно надо. Знал он, как нужно снасть ставить, чтобы добрый улов попался, чувствовал приближение грозы, ягодные места в лесу с закрытыми глазами находил. Кому-то такое в диковину, а Сийтэ сразу поняла, что не зря Гора-Рыба следила, чтобы плод её правильно созрел, да учила его всему, что знала.

Дивились соплеменники странностям Уйго, только любить его от этого больше не стали. А за рыбью чешую, что на теле у него росла, окрестные дети стали дразнить его Рыбьим Сыном.

«Эй ты, Рыбий Сын! Уходи к своей каменной мамке!» – кричали они и кидали ему вслед камнями.

Те камни, что в грудь или в спину ему попадали, отлетали, словно от панциря. А иные камни он на лету ловил без труда. Но ни разу в ответ на обиду он камень обратно не бросил.

Так рос Уйго, высоким да крепким юношей стал. И чем сильнее становился он, тем слабей становилась Сийтэ. Седая с молодости, потеряла она теперь красоту свою и свежесть. Тяжёлый кашель изнурял её и днём и ночью. Совсем не вставала она с лежанки, а печальный Уйрал сутками просиживал рядом, держал её за руку и молился, чтобы здоровье вернулось к любимой.

Наконец настал день, когда она сказала:

«Сегодня мы расстанемся навсегда, муж мой. Все силы я отдала нашему сыну. Теперь я отдам ему свою жизнь, и будет у него отныне три жизни: его собственная, моя жизнь и жизнь Кали-Оа. Нет и не будет ему равных по уму и силе, а в будущем ждут его великие дела. Обо мне же не печалься, потому что не каждой матери выпадает такое счастье отдать себя всю без остатка любимому сыну».

Сказала она так и глаза закрыла.

В отчаянии схватил её на руки Уйрал и понёс на берег Таватуя. Призывал он Гора-Рыбу. Умолял сохранить остаток жизни любимой жены его, как это сделала она однажды. Только не пришла Рыба, а молитвы его ветер над волнами развеял. Поднял лицо к небу Уйрал и увидел, что стоит над озером облако по виду рыбы. А в середине рыбы той будто человек, а в середине человека опять рыба. И понял Уйрал, что в этот миг жизнь покинула тело Сийтэ.

Сделал Уйрал последнюю лодку, украсил её листьями и положил в неё тело своей жены. Всю ночь проплакал Уйрал, а когда пришёл наутро посмотреть, не сделали ли чего с телом звери ночные, то увидел на месте лодки огромный куст рябины с огненными ягодами. Рядом с кустом стоял на коленях печальный Уйго.

«Не смогу я больше видеть тебя, сын мой, – сказал Уйрал, – потому что ты забрал у моей любимой всю красоту, всю силу и всю жизнь её. Нет в тебе моей крови, ничему я тебя не смог научить, сердцу своему родным тебя не смог сделать. Уходи теперь на все четыре стороны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.